

Этот старинный особняк XIX века на улице Ленинской, 22 (ранее – Неплюевская) овеян тайнами и легендами, как никакой другой. Говорят, он был так роскошен, что купить его собирался сам эмир Бухарский. Но не сошлись с хозяином в цене. В городе он известен как дом со львами: у дверей парадного подъезда, вальяжно раскинувшись, лежали сразу два царя зверей. Как выяснилось, в недрах усадьбы обитал еще один представитель прайда, найденный недавно во дворе среди мусорных завалов.

Когда-то это поместье с домом, построенным в 1852 году, принадлежало вдове генерала Станислава Тимофеевича Циолковского, доводившегося родным братом деду того самого Циолковского, прародителя советской космонавтики. В конце XIX века здание приобрел Евсевий Маркович Городисский – блестящий адвокат, которому приписывают такие амурные похождения, перед которыми меркнет даже слава Дон Жуана. И все потому, что в подвалах находится тоннель, ведущий к дому на соседней улице – Пушкинской (ранее – Орская). Будто бы по этому тоннелю проложена узкоколейка, по которой ходила электрическая тележка, выписанная хозяином из Берлина. Якобы любвеобильный адвокат пользовался собственным метро, чтобы устраивать своим пассиям романтические поездки под землей, а заодно и заметать следы тайных свиданий: дама входила в дом на одной улице, а выходила – на другой. Увы, вынуждена развеять эту легенду. Тоннель очень низкий и, право, совсем не приспособлен для развлекательных прогулок. От него ведут узкие боковые ходы, по которым и вовсе можно пробраться только ползком. Да, они были проложены еще до революции, но не для проказ оренбургского Казановы, а для коммуникаций, утверждают специалисты. В глубине двора стоят две башни – в одной из них был обустроен паровой котел. Оттуда по подземному ходу нагнетался теплый воздух в дом, в котором, кстати, нет ни одной печи. Через каждые пять-шесть метров в своде подземного хода – вытяжки, через них стравливался избыточный воздух. А боковые ходы ведут к двум фонтанам во дворе. Не знаю, как у адвоката было с амурными делами, но с семейной жизнью явно не ладилось. Был дважды женат и дважды разведен. Жил вдвоем с сыном, который, по свидетельству современника, «вырос полудиотом».

Дом не всегда был таким красавцем. При вдове-генеральше, судя по сохранившемуся кирпичному цоколю, это было простенькое строение восемь на пятнадцать метров. Городисский снес обветшавшее жилище и возвел чертоги в стиле псевдобарокко, украсив здание эффектной башенкой, богатой лепниной, пристроил веранду, поставил ажурные ворота. Тот вид, в котором дом дошел до нас, был окончательно приобретен в 1908 году. Хозяину оставалось жить в нем, вкушая радость бытия, всего лишь десять лет.

Евсей Маркович был в городе человеком заметным. Как присяжный поверенный он имел крупную практику. Но, видимо, ему этого было мало. Он начал издавать газету «Оренбургский край». Что заставило взяться преуспевающего адвоката за издательское дело, никто не скажет, но, во всяком случае, не жажда наживы. Газета приносила одни убытки. «Когда началась работа по возрождению и укреплению «Края», – вспоминает тогдашний редактор газеты В.А. Весновский, чьи воспоминания, датированные 1933 годом, были найдены в Пермском архиве, – Городисский неизменно шел навстречу и своими знаниями, и связями, и материальными средствами. Я не представлял, что он любит газету, видит в ней крупный фактор культуры и во имя этого готов нести жертвы».

Кстати, редакция располагалась в нижнем этаже дома. Евсей Маркович, будучи человеком хлебосольным, приглашал по субботам сотрудников газеты на чаепитие, которое за разговорами плавно перетекало в ужин. Хозяин вел остроумные застольные беседы, сыпал занимательными рассказами и анекдотами. Расходились, как правило, после таких застолий лишь под утро.

Первый удар по имению нанесла Гражданская война. В 1918 году в доме со львами почти год квартировал вместе с охраной атаман Дутов. Городисского очень возмущало, что по двору, украшенному скульптурами и фонтанами, ездили казаки на лошадях.

Говорят, в архиве было найдено письмо Евсевия Марковича к атаману с просьбой вернуть вещи, «позаимствованные» казаками во время переселения штаба из Оренбурга в Нижнюю Павловку.

После революции здесь прописался онкологический диспансер, потом больница Оренбургского сельского района. Когда больница переехала в новое здание, дом со львами заколотили. Однажды с «насиженных» мест исчезли львы. Эта новость до глубины души поразила оренбуржцев, будто вместе со львами ушло что-то очень важное. Дом стал дичать и ветшать. Однажды здание загорелось. Огонь уничтожил пол, закоптились потолки, украшенные лепниной. Когда тушили пожар, сбили часть крыши. А тут начались дожди. Дому был нанесен очередной удар, едва не закончившийся «летальным» исходом уникального сооружения. Пожар, конечно, возник не сам собой. Здание хотели сжечь, как в свое время сожгли дом Тимашева на Советской. Место соблазнительное – в центре города. Реставрировать обветшавший особняк хлопотно, проще ликвидировать, а на его месте – построить новое здание и сдавать под офисы. Вот такой резон был у поджигателей.

И вот, наконец, прошлой осенью у многострадального дома началась новая жизнь. Его передали Оренбургскому отделению Российского географического общества. И начались аварийные ремонтные работы. В дом, овеянный легендами, стали заходить любопытствующие. Не стал исключением и автор этих строк. Но если большинство интересовалось наличием тоннеля, то мне больше хотелось посмотреть на старую фреску, которую обнаружили в круглой комнатке, будто бы служившей хозяевам часовней, в чем лично я глубоко сомневаюсь. Почему – об этом чуть позже. Роспись показалась, когда с потолка сняли доски, которыми был заколочен свод часовенки. Среди пейзажей с горами и пирамидальными тополями – два мужских портрета. На одном – бравый казак в папахе. На другом – молодой человек в кафтане, подпоясанном зеленым кушаком, очень симпатичной наружности. Вот этот-то, другой, и заинтересовал знатоков живописи, признавших в этой фреске копию с картины Ильи Репина «Белорус», написанной в 1892 году, которая ныне хранится в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге.

На картине изображен юноша, живший по соседству с имением Репина под Витебском. А знаменит он был тем, что в детстве ослеп от ядовитых паров ртути, входящей в состав снадобья, которым матушка смазывала ранку на его лице. Через несколько лет зрение вернулось. Репин был знаком с этой историей и решил запечатлеть на холсте красивого улыбающегося юношу. Критики писали, что «художник представил зрителю совершенно нового белоруса, отличающегося от бытующих представлений – он добродушен, силен, мечтателен, а не забит и не раздавлен непосильным трудом».

Портрет юноши в доме со львами и впрямь не оставляет сомнений – это копия с картины Репина. Та же самая поза, та же одежда. Разве что кушак другого цвета. И лицо другое. А вот лицом, если верить воспоминаниям того же Весновского, оренбургский персонаж напоминает хозяина дома: «Гладко выбритый, с небольшими усиками, очень подвижный и многоречивый. Глаза большие, выпуклые...».

«Вероятнее всего, роспись производил человек, знакомый с живописью, и этот человек – оренбургский художник Лукиан Васильевич Попов. Кто, как не он, знал живопись передвижников?», – написал в своих заметках Александр Исковский, интересующийся историей дома. Очень может быть. Лукиан Попов, окончивший Петербургскую академию, сам был художником-передвижником и наверняка видел работу Репина.

Но лучше один раз увидеть, чем сто раз прочитать. Увидела. Утверждаю: невероятно

интересное строение! И прогулка по нему была волнующей. Здание, не производящее снаружи особого впечатления, внутри оказалось роскошным. Ни дать, ни взять – китайская шкатулка с секретом! Настоящий дворец в миниатюре. Бывала я во дворцах. Но такого ощущения не испытывала. Видимо, потому, что все здесь делалось человеком для себя, а не для того, чтобы поразить чье-либо воображение. Хотя Евсевию Марковичу удалось-таки поразить мое воображение – и анфиладой просторных комнат, и высокими потолками, украшенными гипсовыми головками юных фавнов. Но главное, конечно, росписями.

Они здесь в каждой комнате, на каждом сантиметре. В одном из залов изображены античные фигуры, в том числе легендарные законодатели древнего мира. Видимо, Городисскому, как юристу, это было близко. А понизу – виды, открывающиеся с веранды. Две причудливые башни в псевдоготическом стиле (в одной из них – паровой котел, о котором было сказано выше, в другой – домовая церковь: Евсевий Маркович был крещеный еврей), кирпичный забор с ажурным верхом и нишами, в которых располагались статуи, чаши фонтанов. Наверняка, был и цветник. Можно представить, какая гармония царила здесь при хозяине.

Очень заняты росписи в малом зале, изображающие аллегии времен года. Весну олицетворяет мальчик с ласточкой в руках, осень – отрок, снимающий гроздь винограда, зиму – охотник, похожий на эльфа, подстреливший зайца. Прямо персонажи с рождественской открытки! А по углам – зеркально отраженные городские пейзажи, напоминающие панораму Оренбурга. А вот и загородный пейзаж – излуцина реки. Возможно, Урал. В главном зале на стенах красуются букеты цветов. Росписи были не только на стенах, но и на дверях. Наверное, здесь устраивались балы. Очень уж нарядно. Не зря же после реконструкции здесь планируют сделать зал заседаний Русского географического общества.

Еще месяц назад фрески скрывались за тремя, а в некоторых помещениях за пятью слоями масляной краски. А теперь целая бригада со стамесками в руках миллиметр за миллиметром расчищает стены, открывая сюжет за сюжетом. На днях реставраторы привезли специальный раствор, который мягко снимает наслоения, щадя росписи. Но раствор не пошел: росписи сделаны не темперой, а масляной краской и закрашены маслом. Раствор может повредить фрески. И опять начали работать стамесками. Тем, кто очищает стены, можно памятник при жизни ставить – ошметки краски летят в глаза, в нос. И очки с маской не нацепишь – мешают.

Ну, а теперь вернемся в круглую комнату, которую называют часовней. Судя по

характеру росписей, вряд ли тут была молельная комната. Скорее, это франтоватое помещение служило своеобразной сигарной. Возможно, здесь гостям предлагали сыграть в карты. А вот историк Сергей Богданов считает, что тут, скорее всего, располагалась буфетная. Рабочие из щели между перекрытиями извлекли посеребренную ложку с монограммой хозяина дома ЕГ. Такие изготавливали в начале XX века в Польше. А также обломок рюмки.

В годы, когда под этой крышей располагалось лечебное учреждение, здесь, судя по кафелю, устроили ванную комнату. И закрыли досками живописный свод купола, где как раз и находятся самые серьезные росписи. Помимо белоруса и казака-украинца, специалисты, смочив специальным раствором краску, увидели силуэты и других представителей народов России – предположительно татарина, башкира, киргиза. Тот же раствор помог разглядеть на стенах контуры поясного изображения Николая II. Не исключено, тоже копия с картины Репина. Он много раз писал государя-императора именно в таком виде. Рядом – изображение государыни и великих князей. Определенно, хозяин дома был человек верноподданный.

Все это, конечно, интересно. Но кто же все-таки делал копии с картин Репина? Самой не разобраться. Позову-ка на помощь искусствоведа Татьяну Орлову, специалиста по живописи Лукиана Попова. Благо, областной музей изобразительных искусств находится в двух шагах. Татьяна Васильевна про росписи ничего не слышала. Но на просьбу сходить посмотреть откликнулась мгновенно.

– То, как прописаны складки одежды, мягкие отношения цвета – похоже на Лукиана Попова, но на сто процентов сказать не могу, – рассуждает она, разглядывая купол. – Это мог сделать и другой копиист. Надо посмотреть его ранние этюды. Ведь еще вопрос, когда это сделано? Если до академии, то это может быть и Попов. А когда он окончил академию, а окончил он ее в 1903 году, поехал по Волге, у него другая манера появилась, возникли воздух, свет – пленерность. Может, когда приезжал на каникулы? Ну, вот смотрите, рука не прописана. Как будто незакончена. Это непрофессионально.

Но тот факт, что Лукиан Попов не гнушался приработком, Татьяна Васильевна отрицать не стала. То, что он делал заказные портреты, говорит, общеизвестно. А то, что еще и дома расписывал, про это сведений не имеется. Но вполне возможно.

Идем далее, через анфиладу комнат. Пейзажи – мягкие, лиричные, вызывают у нее

профессиональный интерес, склоняя чашу весов в сторону авторства Лукиана Попова, фигуры людей – скепсис. Особое нареkanie вызывает рисунок. А у Лукиана Попова рисунок всегда был на высоте. В музее имеются его академические наброски.

В общем, старая фреска, как и другие росписи этого дома, при первом рассмотрении оказались для специалиста загадкой. Татьяна Васильевна просит дать время, чтобы посмотреть ранние работы художника, этюды, рисунки и сравнить с увиденным.

Через несколько дней звоню в музей. Даже немного волнуюсь, будто жду результата анализа на ДНК.

– Абсолютно точно могу сказать, росписи делал не Лукиан Попов. И не Владимир Маковский (художник-передвижник, расписывавший собор Казанской Божией Матери в Оренбурге – Н. В.), которому тоже приписывают авторство росписей, – уверенно заявляет Татьяна Васильевна. – Это однозначно. Возможно, работал кто-то из преподавателей Неплюевского кадетского корпуса. Там ведь преподавали живопись, рисунок.

Жаль, конечно, что Лукиан Васильевич не оправдал-таки наших надежд. А вот Сергей Богданов надежду на то, что репродукции с картин академика Репина все-таки делал академик Попов, не теряет. Его, говорит, это цветовая гамма.

Больше того, Сергей Вячеславович, обнаруживший в культурном слое во дворе фрагменты лепнины в стиле а ля рюс, вполне допускает мысль, что сделана она по эскизам Владимира Маковского, того самого, которого каждый знает по картине «Дети, бегущие от грозы». Почему бы и нет? Такой ценитель изящных искусств, как Городисский, не смог бы пропустить приезд в город известного живописца. Как бы там ни было, несомненно одно: в доме работал не один художник, а целая бригада. Причем, художников самого разного класса.

Кстати, этот культурный слой, а проще сказать, груды мусора во дворе особняка, довольно могуч. Настоящий клад для историков. Здесь, среди развалин прачечной, некогда обстирывавшей больницу, гаражей, сараев и прочих временных сооружений, обнаружена лепнина фасада, сбитая, видимо, как архитектурное излишество в 70-е

годы. Когда обломки склеили, увидели, что это фавны, в отличие от тех, юных, что внутри дома, зрелые, многое повидавшие на своем веку.

Здесь же нашли инструменты. Дореволюционную двуручную пилу, ковши, утюг для паркета. Да, были и такие! Его заполняли горячим углем и гладили буковые дощечки, чтобы на пол лучше ложился воск. Кстати, дощечки паркета хорошо сохранились. Но вот лаги сгнили и требуют замены.

Еще одна чудесная находка – третий лев. Его обломки тоже раскопали в этих мусорных курганах. Как я и говорила, было три льва. Два охраняли дом снаружи, а третий – изнутри. Еще когда здесь была больница, он лежал перед входом в рентген-кабинет. А потом и его сбросили с «корабля современности». Как только наступит лето, будут проводиться дальнейшие раскопки. Есть надежда найти обломки скульптур, которые стояли в нишах двора.

Говорить о том, что дом оживили, еще рано. Он пока еще в коме. Но реанимация проходит успешно. Когда особняк приведут в чувство и вылечат, здесь разместится Дом ученых. А именно – штаб-квартира Русского географического общества с выставочным залом, музеем истории Оренбургского края и степей. Несколько витрин будет посвящено самому дому. Зрители увидят, каким было здание до реставрации, во время и после. А также предметы, которые нашли во время реконструкции.

Будет восстановлено все, что можно восстановить: башня, львы перед входом, утраченные металлические ограждения. И главное, фрески, которые придают зданию особую ценность. Поэтому анфиладу с росписями оставят под музей. А помещения в подвале будут использованы под архивы и служебные кабинеты. Архивами и библиотекой, которая также разместится в здании, могут пользоваться в режиме читального зала все жители Оренбургской области. Дом со львами будет открыт для всех, кто захочет сюда войти.

Задача перед теми, кто ведет ремонтные работы, стоит непростая – восстановить здание за полгода. Сроки немислимые. Поскольку это один из приоритетных проектов, он нашел поддержку у губернатора. Юрий Берг активно вмешался в процесс, благодаря чему работы пошли живее.

Тайна старой фрески

Добавил(а) Moderator
11.03.14 13:56 -

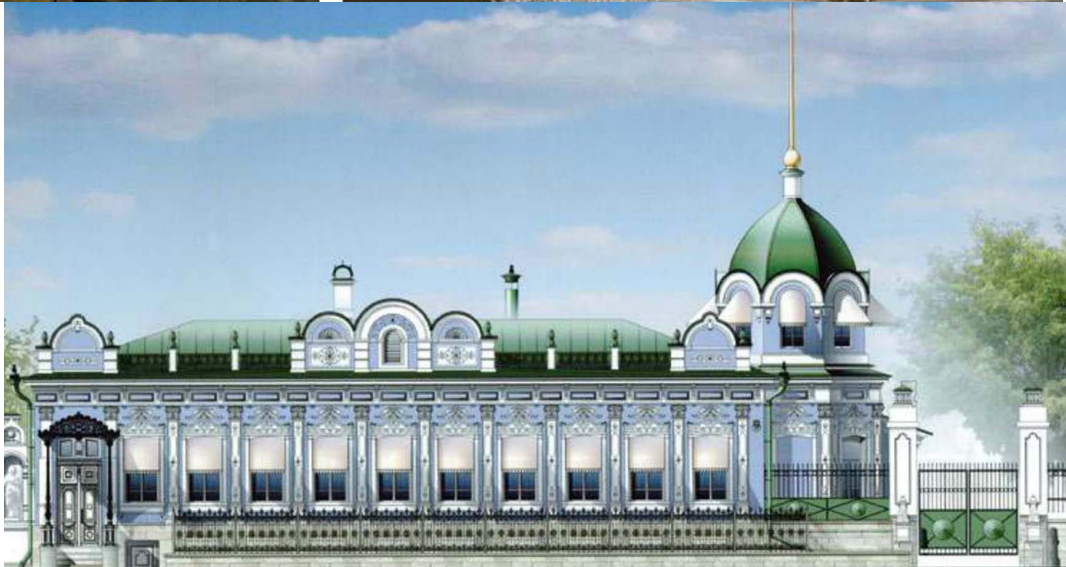
Кстати, и городские власти очень помогают: дом без проволочек подключили к тепло- и энергосистеме. Все идут навстречу, все помогают. Никому небезразлична судьба дома со львами. Видимо, мальчишеское любопытство к тайнам живет и в самом большом начальнике. А если серьезно, то здание это действительно особое. Перешагнув его порог, очень явственно ощущаешь, что попадаешь в прошлое, без которого, как известно, нет будущего.

Тайна старой фрески

Добавил(а) Moderator
11.03.14 13:56 -

Тайна старой фрески

Добавил(а) Moderator
11.03.14 13:56 -

Тайна старой фрески

Добавил(а) Moderator
11.03.14 13:56 -

Журнал "Воронежская Вестка" № 67, Восток, 2014 <http://www.clubyar.ru/journal/VIII/#86/z>